Андрей РАНЧИН

Кузьмин Н.В. – Портрет А.С. Грибоедова. 1952 г.

«Служить бы рад, прислуживаться тошно»

Дипломатическая деятельность Александра Грибоедова и осмысление государственной службы в комедии «Горе от ума»

Александр Грибоедов – единственный русский писатель, чья служебная деятельность оставила в истории России след не меньший, чем литературное творчество. Его дипломатической службе и заслугам на этом поприще посвящено несколько монографий [Шостакович, 1960]; [Попова, 1964], а также бóльшая часть книги [Ениколопов, 1954]). В марте 1816 года Грибоедов вышел в отставку из военной службы. Гражданская служба автора «Горя от ума» началась в июне следующего, 1817 года, когда он поступил в Коллегию иностранных дел (одно из подразделений Министерства иностранных дел) в чине губернского секретаря [Пиксанов, 2000. С. 13,15]. С февраля 1819 по февраль 1822 года он служил секретарем русской дипломатической миссии в Персии, необычайно деятельно, пренебрегая тяготами и опасностями, вызволял русских пленных, находившихся в этой стране со времен русско-персидской войны 1804–1813 годов (война началась после отклонения Россией ультиматума, в котором Персия потребовала вывода российских войск из недавно присоединенного Закавказья).

В 1822 – начале 1826 года Грибоедов состоял чиновником по дипломатической части при А.П. Ермолове – главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом, управляющем по гражданской части в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях; Ермолов был также наделен полномочиями Чрезвычайного посла в Персии. Служба при Ермолове прервалась 22 января 1826 года: Грибоедов был арестован в крепости Грозной (ныне город Грозный в Чеченской республике) по подозрению в причастности к декабристскому заговору и препровожден в Главный штаб в Петербурге, где находился до начала июня. 2 июня он был освобожден с оправдательным решением как не принадлежавший к тайному обществу: «По высочайшему его императорского величества повелению Комиссия для изыскания о злоумышленном Обществе сим свидетельствует, что коллежский асессор Александр Сергеев сын Грибоедов, как по исследованию найдено, членом того Общества не был и в злонамеренной цели оного участия не принимал» [Щеголев, 1905. С. 45].

Во второй половине 1826 года Грибоедов, произведенный по выслуге лет в очередной чин – в надворные советники, вернулся к прежнему месту службы. В марте 1827 года на Кавказе Ермолова сменил И.Ф. Паскевич, свойственник писателя (Паскевич был женат на его двоюродной сестре), и Грибоедов продолжил службу под его началом: курировал дипломатические сношения с Турцией и Персией, учредил газету «Тифлисские ведомости», открыл Тифлисское благородное училище. (Тифлис – старое название грузинского города Тбилиси.) С 1826 года в Закавказье шла новая война с Персией, попытавшейся силой вернуть восточно-закавказские земли. Грибоедов лично участвовал в боевых действиях, выказав отменную смелость, и даже принимал тактические решения. Современники именно ему, а не командующему И.Ф. Паскевичу приписывали успехи русской армии в Закавказье [Смирнов, 1980. С. 211–212]. Грибоедов вел переговоры об условиях мирного договора с наследником престола Аббас-мирзой, за что

Андрей Ранчин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, 1, стр.51). E-mail: aranchin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается дипломатическая деятельность Александра Грибоедова (1795[?]–1829) – автора знаменитой комедии «Горе от ума». Рассмотрена эффективная деятельность Грибоедова как чиновника Министерства иностранных дел и представителя России в Персии. Показано, что, несмотря на критическое отношение к современным порядкам, Грибоедов был лоялен к власти и, по-видимому, не принадлежал к тайному обществу декабристов. Выбор Грибоедова – государственная служба – не был изменой принципам независимости, провозглашенным Чацким – главным героем «Горя от ума». Высказывания Чацкого выражают идеальную нравственную норму, но автор не считает их программой, предназначенной для буквального воплощения.

Ключевые слова: Александр Грибоедов, дипломатическая деятельность, осмысление государственной службы, «Горе от ума».

был произведен в чин коллежского советника [Пиксанов, 2000. С. 105]. Он разработал предварительный проект мирного договора, а затем участвовал в составлении Туркманчайского трактата – мирного договора с Персией, подписанного 10 февраля 1828 года. Дипломат-литератор лично составил ряд статей, а затем отредактировал итоговый текст. По Туркманчайскому договору к России отходили земли Восточной Армении — Эриванское и Нахичеванское ханства, и Персия обязалась не препятствовать переселению армян на российскую территорию. На Персию налагалась огромная контрибуция в 20 млн руб. серебром. Российское правительство признало Аббас-мирзу, подписавшего договор с Россией и бывшего добрым знакомым Грибоедова, наследником персидского престола. Кроме мирного договора был подписан торговый трактат, по нему русские купцы обрели право свободной торговли на всей территории Персии. Договор усилил позиции России в Закавказье и влияние на Среднем Востоке. Были подтверждены свобода плавания в Каспийском море для российских торговых судов и исключительное право России иметь на Каспии военный флот. Российские подданные на территории Персии в тяжбах с подданными других держав (кроме персиян) подлежали отныне юрисдикции российских дипломатических представителей, а судебные дела между российскими и персидскими подданными должны были теперь рассматриваться персидскими властями только в присутствии представителей российской миссии или консульства.

Туркманчайский трактат был огромным дипломатическим успехом России, его заключение торжественно праздновалось в Петербурге: «14 сего месяца (14 марта 1828 года. — А.Р.) прибыл сюда коллежский советник Грибоедов с мирным трактатом, заключенным с Персией 10/22 февраля в Туркманчае. Немедленно за сим 201 пушечный выстрел в крепости возвестил столице о сем благополучном событии — плоде достославных воинских подвигов и дипломатических переговоров, равно обильных блестящими последствиями...», — писали в официальном отчете 16 марта 1828 года «Санкт-Петербургские ведомости» (цит. по кн.: [Пиксанов, 2000. С. 109]). Приятель Грибоедова и друг А.С. Пушкина князь П.А. Вяземский сообщал жене: «Гром пушек возвестил нам приезд Грибоедова, вестника мира с Персиею <...> Приезд его был давно обещан и очень ожидаем, так что государь собирался даже послать к нему навстречу, чтобы проведать, что случилось с курьером» [Пиксанов, 2000. С. 109].

Грибоедов, один из творцов Туркманчайского мира, был принят императором Николаем I, который поздравил его с чином статского советника (гражданским чином, в Табели о рангах почти равным генеральскому воинскому званию) и наградил орденом Анны 2-й степени с алмазами и 4 000 червонцев. А

Самохвалов А.Н. - Иллюстрация к комедии “Горе от ума”. А.С.Грибоедова. 1935 г.

за участие в Персидской войне он получил медаль, которой особенно гордился [Пиксанов, 2000. С. 110]. Спустя месяц, 15 апреля 1828 года, Грибоедов получил назначение полномочным министром в Персию. Ранг министра был лишь немногим ниже ранга Чрезвычайного и Полномочного посла, обыкновенно на такую должность назначали государственных служащих с чином выше, чем у Грибоедова. В июле 1828 года он приезжает в Тифлис. Здесь он вместе с тифлисским чиновником коллежским советником П.Д. Завилейским составил «Записку об учреждении Российской Закавказской компании (опубликована: [Ениколопов, 1954. С. 102–109], о проекте см.: [Ениколопов, 1954. С. 55–65] – «план учреждения компании для заведения и усовершенствования в изобильных провинциях, по сю сторону Кавказа лежащих: виноделия, шелководства, хлопчатой бумаги, колониальных, красильных, аптекарских и других произведений» [Ениколопов, 1954. С. 102]. Грибоедова весьма занимали торговля и экономическое состояние российского Закавказья, проблемы развития новоприсоединенных территорий. «Являясь сторонником транзитной торговли и внедрения ее на Кавказе, Грибоедов немало сделал для превращения Тбилиси в центр торговли между Европой и Азией», — замечает исследователь его экономических проектов И.К. Ениколопов [Ениколопов, 1954. С. 54]. Проект свидетельствовал о широте интересов и оригинальном уме Грибоедова. А еще раньше, в 1827 году, он продемонстрировал и талант администратора, и навыки тонкого политика — составил «Положения об управлении Азербайджаном» и искусно вел переговоры с местными закавказскими ханами.

22 августа в Тифлисе Грибоедов женился на юной Нине Чавчавадзе, две недели спустя во главе российского посольства выехал в персидский город Тавриз. Через два месяца посольство перебралось в персидскую столицу Тегеран.

Дипломатическая миссия российского полномочного министра была очень трудной. Грибоедов должен был получить огромную и почти непосильную для разоренной Персии контрибуцию – в ее счет

пошли даже драгоценности шахской сокровищницы. Российские войска, которыми командовал Паскевич, не спешили освободить занятую ими Хойскую область, хотя их вывод был оговорен с персами. Грибоедов признавался П.Н. Ахвердовой в ноябре 1828 года, впрочем, не без напускной скромности: «<...> Все мое время занято проклятой контрибуцией, которую я все никак не могу полностью вытянуть от персов. Тут еще море бездонное всяких хлопот. Кажется мне, что не очень я гожусь для моего поста, здесь нужно больше уменья, больше хладнокровия. Дела приводят меня в дурное расположение духа, я делаюсь угрюм, иногда охота берет покончить со всем, и тогда становлюсь уж вовсе глуп. Нет, ничего я не стою для службы, и назначение мое вышло неудачно. Я не уверен, что сумею выпутаться из всех дел, которые мне поручены, многие другие исполнили бы их в сто тысяч раз лучше. Одна моя надежда на бога, которому служу я еще хуже, чем государю, но которого помощь действительная со мной всегда была» [Грибоедов, 1988. С. 630]. Тем не менее, он вел себя настоятельно и жестко, осознавая, что представляет собой Россию: «Взимаю контрибуцию, довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали сахтир, coeur dur («жестокое сердце» по-французски – А.Р.)», сообщал он В.С. Миклашевич 3 декабря 1828 года [Грибоедов, 1988. С. 650].

При шахском дворе росло негодование «Лица различных партий и различных вероисповеданий, коих я расспрашивал, все единогласно сходились на одном весьма важном обстоятельстве, именно, что мой несчастный друг, покойный Грибоедов, в отношении к шаху принял надменный тон, доходивший до безрассудства. Фетх-Али-шах, после каждой аудиенции, которую он ему давал, уходил столь раздраженным, что весьма легко было предвидеть какое-либо несчастье. Часто при своих придворных случалось ему вскрикивать: “Кто меня избавит от этой собаки христианина?”» — так передает настроения персиян И.О. Симонич, полномочный министр в Персии после Грибоедова [Симонич, 1929. С. 206]. С этой оценкой действий Грибоедова солидарен В.Н. Григорьев, чиновник, служивший в Закавказском крае и лично знавший автора «Горя от ума»: «Люди, знающие хорошо нравы и обычаи Востока, упрекали Грибоедова, и не без основания, что он при всем уме своем, действовал в Тегеране так, как мог бы действовать только на Западе, между людьми образованными: нисколько не уклончиво, а смело до дерзости, без внимания к персидским обычаям и щекотливому фанатизму мусульман» [Григорьев, 1929. С. 199]. Тем не менее, «во время пребывания в Тегеране Грибоедов сумел добиться положительного решения основных задач, стоявших перед посольством» [Шостакович, 1960. С. 216] – прежде всего, возвращения русских пленных.

Однако полномочный посол стремился лишь исполнить инструкции, считая, что достижение цели невозможно без напористости и силы и что уступки лишь нанесут урон чести России. Впрочем, вероятно, им двигал и азарт, стремление выполнить почти невыполнимое, сделать то, что невозможно для других. След такого настроения в письмах П.Н. Ахвердовой и В.С. Миклашевич очевиден.

Очень решительно Грибоедов добивался и возвращения России бежавших в Персию дезертиров, некоторые из которых заняли весьма значительные военные должности в Персии. Хлопоты и беспокойство доставляли дела армян-христиан, переселявшихся в Россию, которым должен был покровительствовать российский полномочный министр. «К нам перешло до 8 тысяч армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову», — замечал российский посланник [Грибоедов, 1988. С. 650]. Грибоедов подчинялся Министерству иностранных дел, но Паскевич также докучал его своими требованиями, не всегда обдуманными, – нужно было проводить министерские предписания, по возможности не раздражая начальника Кавказской армии. По словам посвященного и объективного — не испытывавшего личных симпатий к полномочному министру — современника, «Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте <...> он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и <...> не найдется, может быть, в России человека, столь способного к занятию его места» [Муравьев-Карский, 1929. С. 95].

Давнюю ненависть к Грибоедову питал зять шаха и первый министр Алаяр-хан, возросшее влияние России беспокоило англичан. Катастрофа разразилась после того, как в российское посольство обратились с просьбой помочь вернуться на родину сначала две женщины из гарема Алаяр-хана, по одним сведениям – армянки, по другим – грузинки, а затем и шахский евнух-армянин, некогда плененный персами. «Отказать в убежище бедным русским подданным на чужбине, искавшим нашей защиты, было бы крайне неполитично, не говоря уже о беззаконности и бесчеловечии такого поступка, следовательно это было и невозможно для русского представителя в Персии; выдать же их обратно персиянам, когда они поступили уже под наше покровительство, значило обречь их на верную смерть и в то же время покрыть себя вечным позором», — так оценивал эту чреватую трагедией ситуацию барон К.К. Боде, первый секретарь нового российского посольства, прибывшего в Тегеран после истребления грибоедовской миссии [Боде, 1929. С. 215].

30 января 1829 года разъяренная толпа, привлеченная слухами о насилии над беглянками из гарема, ворвалась в российское посольство. Власти бездействовали. Почти все сотрудники во главе с министром были жестоко убиты после отчаянного и героического сопротивления.

В общественном сознании советского и постсоветского времени получило довольно широкое распространение представление о Грибоедове как о ренегате – бывшем декабристе, который предпочел карьеру, чины и славу верности друзьям, задохнувшимся в петле или чахнущим в «мрачных пропастях земли». Наиболее отчетливо и сильно такое представление было выражено в романе «Смерть Вазир-Мухтара» (1927) блестящего литературоведа и замечательного писателя Юрия Тынянова, причем автор скрытым образом соотносил начало «мрачной» николаевской эпохи со своим временем, когда революционный романтизм и свободомыслие всё сильнее поддавались, оседали под бременем крепчающего деспотизма. «Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими баками!

Как страшна была жизнь превращаемых, жизнь тех из двадцатых годов, у которых перемещалась кровь!

Они чувствовали на себе опыты, направляемые чужой рукой, пальцы которой не дрогнут» [Тынянов, 1985. С. 9]. Делающий чиновную карьеру Грибоедов увиден в Тифлисе взглядом разжалованного декабриста «А кто с террасы на нас смотрел? В позлащенном мундире? <...> Там наш учитель стоял. Идол наш. Наш Самсон-богатырь. Я до сей поры один листочек из комедии его храню. Уцелел. А теперь я сей листок порву и на цигарки раскурю. Грибоедов Александр Сергеевич на нас с террасы взирал.

Когда в душе твоей сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным.
Они тотчас: разбой, пожар.
И прослывешь у них мечтателем! Опасным!
Мундир! Один мундир!

Он проговорил стихи шепотом, с жаром и отвращением. И вдруг лег на шинель и добавил почти спокойно:

— А впрочем, он дойдет до степеней известных –
Ведь нынче любят бессловесных»
[Тынянов, 1985. С. 202–203].

Взгляд этот, правда, не совпадает с авторским. Но в нем для Тынянова есть своя страшная доля правды.

Однако исторической правды в этом взгляде, видимо, нет. Следствие пришло к выводу, что «коллежский асессор Грибоедов не принадлежал к Обществу и о существовании оного не знал. Показание о нем сделано князем Евгением Оболенским 1-м со слов Рылеева; Рылеев же ответил, что имел намерение принять Грибоедова; но не видя его наклонным ко вступлению в Общество, оставил свое намерение. Все прочие его членом не почитают» (цит. по кн.: [Нечкина, 1977. С. 511–512]). Так же на Рылеева ссылался и князь С.П. Трубецкой, однако сам Рылеев не подтвердил это свидетельство. В пользу версии о принадлежности автора «Горя от ума» к тайному обществу вроде бы говорит свидетельство его близкого друга А.А. Жандра, что степень участия Грибоедова в делах тайного общества была «полная» [Смирнов, 1980. С. 243]. В советское время версия о принадлежности писателя и дипломата к декабристам стала господствующей благодаря исследованию М.В. Нечкиной (см.: [Нечкина, 1977]; ср.: [Нечкина, 1982]; без новых доказательств эта версия была недавно повторена Е.Н. Цимбаевой [Цимбаева, 2003. С. 366–413]. Но против этого утверждения свидетельствует целый ряд фактов. «Биографическая традиция сохранила фразу Грибоедова, которую он, говорят, часто повторял, смеясь: “Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт в России”, — и другую, дружески резкую фразу по адресу декабристов и их иллюзий: “Я говорил им, что они дураки”» [Пиксанов, 2002. С. 270]. Фраза о ста прапорщиках, возможно, недостоверна (см.: [Фомичев, 1977. С. 19—21]). По мнению же М.В. Нечкиной, «можно предположить, что этот афоризм — осколок киевского свидания» Грибоедова с декабристами: Грибоедов будто бы оказался противником военно-революционного белоцерковского плана» [Нечкина, 1977. С. 533]. (Подразумевается план покушения на Александра I на смотре в Белой Церкви летом–осенью 1825 года.) Но не существует никаких оснований для утверждения, что Грибоедов вообще знал об этом плане.

Как нет и никаких бесспорных свидетельств, что Грибоедов одобрял идею военного переворота в принципе. Политические идеи «Горя от ума» весьма умеренны: это либерализм, скептицизм и национализм [Пиксанов, 2002. С. 262–297], а образы Репетилова и его приятелей, «шумящих» в своем «секретнейшем союзе», – резкий выпад против «клубного либерализма» декабристов [Пиксанов, 2002. С. 282]. По свидетельству Е.П. Соковниной, знавшей автора комедии, он предостерег своего друга С.Н. Бегичева от знакомства с А.А. Бестужевым (который был одним из наиболее решительных участников 14 декабря), «зная замыслы декабристов, которым, впрочем, Александр Сергеевич не придавал значения, что и выразил в ответе Чацкого Репетилову: “Шумите вы — и только!”» [Соковнина, 1929. С. 19]. Ссылками на образ Репетилова, как на сатиру в адрес заговорщиков, Грибоедов парировал подозрения следователей [Завалишин, 1929. С. 69–70]. По мнению М.В. Нечкиной, «образ Репетилова в “Горе от ума” отражал именно декабристскую идею борьбы с опошлением замыслов тайного общества. Образ этот возник у

Грибоедова в 1823 году и отвечал особо обострившейся в тот момент в тайном обществе борьбе против репетиловщины» [Нечкина, 1982. С. 36]. Однако эта «репетиловщина» и борьба с ней декабристов не более чем идеологический исследовательский конструкт: ведь Чацкий, положительно противопоставленный Репетилову и компании, в «Горе от ума» напрочь лишен черт радикала и борца с тираническою властью. Доказать, что образы Репетилова и его приятелей-пустословов метят не в декабристов, а в неких псевдолибералов [Нечкина 1977. С. 420–437], исследовательнице, на мой взгляд, не удалось. Абсурдным выглядит аргумент Ю.П. Фесенко: «<...> Если бы имелись документы, однозначно утверждающие отсутствие связи Грибоедова с декабристами, то они сохранились бы наверняка. Их, как известно, нет» [Фесенко, 1989. С. 106–107]. Какие могут быть документальные свидетельства непричастности к заговору? Подход Фесенко полностью противоречит и идее презумпции невиновности, и кардинальным принципам исторического анализа.

Между тем против версии о декабризме Грибоедова свидетельствуют и его письма. 15 февраля 1826 года, находясь под арестом и ожидая допроса, он обратился к Николаю I с письмом — весьма резким с точки зрения принятого этикета: «По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул <...> Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. <...> Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный Комитет (орган, проводивший следствие. — А.Р.) лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете» [Грибоедов, 1988. С. 526—527]. Для виновного подследственного, в случае выявления его причастности к тайному обществу, такое письмо было бы самоубийственным.

Второй пример – черновое письмо любимому родственнику и действительному участнику заговора, осужденному на каторгу, — князю А.И. Одоевскому: «Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит. Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенна, и ты, верно, теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр <...> Кто тебя завлек в эту гибель!! Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать!» [Грибоедов, 1988. С. 570–571]. Никакие соображения относительно возможной перлюстрации этого письма не объясняют ни его тона, ни его содержания – явно противоречащего предположению о приверженности автора к тайному обществу. Никакого расчета писать то, что не соответствовало истине, здесь у Грибоедова быть не могло: ему демонстрация лояльности по отношению к власти не требовалась, положение адресата – не облегчала.

Есть все резоны согласиться с утверждением: «Реалистически мыслящий Грибоедов не принял декабристской тактики и членом декабристских организаций, по-видимому, не стал. Не веря в успех тайного заговора, не принимая революционно-насильственного переворота – и в этом расходясь с декабристами, Грибоедов, однако, был близок к их общественным идеалам» [Гришунин, Маркович, при участии Л.С. Мелиховой, 1992. С. 23].

Назначение полномочным министром в Персии в 1828 году Грибоедов принял не без колебаний – воспоминания современников, а отчасти и его письма, свидетельствуют, что он не ожидал от возвращения в Тегеран ничего хорошего и чувствовал опасность со стороны Алаяр-хана. Согласие было вызвано рядом обстоятельств: это и ощущение себя обязанным императору за награды, и необходимость получить приличное жалование, и – в дальнейшем – высокий чин, чтобы обеспечить безбедную жизнь будущим жене и детям [Цимбаева, 2003. С. 464]. В.Ф. Булгарину он писал с горькой иронией 24 июля 1828 года: «Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить» [Грибоедов, 1988. С. 602]. В этих строках выразилось, конечно, не верноподданническое чувство, как решил Н.К. Пиксанов [Пиксанов, 2002. С. 287], – хотя Грибоедов был, по-видимому, убежденным монархистом, – а усталость от службы и чувство одиночества человека еще не женатого и бездетного, иронически подменяющего высокие цели своей службы прагматическим «прокормить».

Но едва ли не главными были «жажда реальной деятельности», «служба “делу, а не лицам” и попытки прогрессивных преобразований в пределах возможного» [Гришунин, Маркович, при участии Л.С. Мелиховой, 1992. С. 23].

Грибоедов остро и болезненно ощущал служебную зависимость и несвободу. В стихотворении «Прости, отечество!», написанном в преддверии второго отъезда в Персию, он сетовал:

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь,
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.

[Грибоедов, 1988. С. 346]

Он явно почитал себя недооцененным, министра К.В. Нессельроде не считал опытным дипломатом (позднее изоляция России в годы Крымской войны оправдает такую оценку), а к своему прямому начальнику директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К.К. Родофиникину относился еще хуже. Грибоедовские официальные письма начальникам находятся порой на грани между соблюдением минимальных правил этикета и их нарушением. Но для этого были причины – все случаи полуприкрытого недовольства были небеспочвенными. Прежде всего, очень плохо выделялись необходимые средства.

Вместе с тем Грибоедов воспринимал свою службу не столько как должностную обязанность, сколько как дело личной чести, в себе же видел особенный талант, побуждавший исполнить высокую миссию – служение интересам Отечества и его подданных. Так, он писал в дневнике в августе 1819 года, когда занимался вызволением русских пленных из Персии: «23 августа. Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль. 24 августа. <...> Голову мою положу за несчастных соотечественников» [Грибоедов, 1988. С. 414].

Впрочем, он не терпел и простой служебной неисполнительности. Как вспоминал Д.И. Завалишин, «он желал познакомиться со мною еще и потому, что слышал, будто я не похож на тех либералов, которых он преследовал своими сарказмами, которые, повторяя только заученные либеральные фразы, порицали других, а сами относились вполне небрежно и к служебным и к общественным своим обязанностям. О мне же Грибоедов слышал, как и сам сказал это мне, рекомендуясь, что по свидетельству и начальников, и сослуживцев, и товарищей, я всегда был строго исполнителен во всех моих обязанностях, делая даже более того, что имели право и могли от меня требовать, несмотря на то, что почти всегда я занимал не одну должность» [Завалишин, 1929. С. 154].

Но и карьера, продвижение по службе никогда не были Грибоедову безразличны. Еще в 1816 году он советует другу С.Н. Бегичеву, задумавшему перевестись из гвардии в армию и покинуть столицу: «Кто любит службу и желает дослужиться до высшей степени, тот должен быть в Петербурге» [Грибоедов, 1988. С. 444]. В 1818 году, ведя переговоры о назначении в Тегеран, он поставил министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде условие – получение чина коллежского асессора [Пиксанов, 2000. С. 18] – того самого, которого для Молчалина добился Фамусов. Но получил его автор «Горя от ума» только в начале января 1822 года [Пиксанов, 2000. С. 39]. (Реплика Чацкого: «Чины людьми даются, / А люди могут обмануться» содержит след личной обиды автора [Пиксанов, 2000. С. 82].) А в письме российскому генеральному консулу в Персии А.К. Амбургеру (середина августа 1828 года) Грибоедов настоятельно просит об оказании ему в Персии высоких почестей и сетует на свой незначительный чин: «Кстати, устройте так, мой друг, чтобы всюду меня принимали наиболее приличествующим мне образом. Мой чин невелик, но моему месту соответствует ранг тайного советника, фактически превосходительства (тайный советник – чин III класса, а Грибоедов имел чин V класса, и обращаться к нему предписывалось: «высокородие». — А.Р.). И потому по сю сторону Кавказа везде меня принимали, как мне подобает: полицейские власти, исправники, окружные начальники и на каждую станцию высылался для меня многочисленный кавалерийский эскорт. У меня здесь есть почетный караул <...> так как я здесь всем равен, то мне пишут не иначе как “отношениями”, и нет у меня начальства, кроме императора и вице-канцлера (министра иностранных дел К.В. Нессельроде. — А.Р). Смею надеяться, что в Персии не менее, чем здесь, сделают все, что следует по характеру моих полномочий. Вы знаете, что на Востоке внешность делает все» [Грибоедов, 1988. С. 591–592]. Об оказываемых ему в российском Закавказье почестях автор письма пишет не без удовлетворенного честолюбия – так что дело, очевидно, не только в том, чтобы к нему относились почтительно персияне...

Это был не «простой» карьеризм, а желание справедливой награды и оценки.

Казалось бы, государственная служба Грибоедова разительно противоречит жизненному кредо его любимого героя – Чацкого, отвечающего на слова собеседника Павла Афанасьевича Фамусова «сказал бы я во-первых: не блажи / Именьем, брат, не управляй оплошно, / А главное, поди-тка послужи», знаменитым чеканным афоризмом:

Служить бы рад, прислуживаться тошно.
[Грибоедов, 1988. С. 55]

Однако в комедии «Горе от ума» отказу Чацкого от службы противостоит не дипломатическая или иная государственная деятельность, пусть и связанная с неприятными сторонами чинопочитания. Нет, позиции Чацкого противопоставлено неприкрытое лизоблюдство фамусовского дяди Максима Петровича, опустившегося до унизительной роли шута и добившегося этим для себя и для сына придворного звания камергера. (Исторически во времена Екатерины II сделать карьеру таким образом было уже невозможно, автор «Горя от ума» сгущает краски и шаржирует реальность). Моральный ригоризм Чацкого восходит к позиции героев-обличителей из французских комедий. Это прежде всего Альцест из «Мизантропа» Ж.-Б. Мольера; у Мольера он человек безукоризненной чести, но и упрямый безумец, лишенный здравого смысла. Однако Ж.-Ж. Руссо оценил Альцеста как положительного героя, несправедливо высмеянного автором, а под пером Фабра д’Эглантина, автора комедии «Филэнт Мольера»,

Альцест превращен в воплощение добродетели (см. об этом: Штейн, 1946. С. 11–12; Слонимский, 1946. С. 62–63]).

Непримиримость Чацкого к компромиссам, горделивое неприятие всего, что может хоть как-то задеть его честь, для автора «Горя от ума» – не реальная программа для подражания, а недостижимый идеал. «Горе от ума» во многом укоренено в эстетике классицизма. «<...> Классицизм разгораживал искусство и жизнь непреодолимой гранью. Это приводило к тому, что, восхищаясь театральными героями, зритель понимал, что их место — на сцене, и не мог, не рискуя показаться смешным, подражать им в жизни. На сцене господствовал героизм, в жизни — приличие. Законы и того и другого были строги и неукоснительны для художественного или реального пространства. Напомним шутку Г. Гейне, который говорил, что современный Катон, прежде чем зарезаться, понюхал бы, не пахнет ли нож селедкой. Смысл остроты — в смешении несоединимых сфер — героизма и хорошего тона. Когда Сумароков в разгар своего конфликта с московским главнокомандующим П. Салтыковым (в 1770 году) написал патетическое письмо Екатерине II, императрица резко указала ему на "неприличие" перенесения в жизнь норм театрального монолога: "Мне, — писала она драматургу, всегда приятнее будет видеть представление страстей в ваших драмах, нежели читать их в письмах". А воспитанный в той же традиции великий князь Константин Павлович много лет спустя писал своему наставнику Лагарпу: "Никто в мире более меня не боится и не ненавидит действий эффектных, коих эффект рассчитан вперед, или действий драматических, восторженных"» [Лотман, 1992. С. 271].

Позиция Чацкого не подается автором как безусловная поведенческая модель, как образец для прямого подражания. Плодотворная государственная служба Грибоедова и отказ от службы Чацкого, некогда близкого к министерским кругам, не противоречат, а сложным образом друг друга дополняют.

Литература

Боде К.К. Смерть Грибоедова // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация. 1929. С. 211–216.

Грибоедов А.С. Сочинения / Вступ. ст., коммент., состав. и подг. текста С.А. Фомичева. М.: Художественная литература. 1988. 751 с.

Григорьев В.Н. Заметки из моей жизни // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация. 1929. С. 195–203.

Гришунин А.Л., Маркович В.М, при участии Л.С. Мелиховой. Грибоедов Александр Сергеевич // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит. 1992. С. 22–28.

Ениколопов И.К. Грибоедов в Грузии / При участии М. Заверина Под ред. [и с предисл.] О. Поповой. Тбилиси: Заря Востока. 1954.

Завалишин Д.И. Воспоминания о Грибоедове // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация, 1929. С.153–174.

Муравьев-Карский Н.Н. Записки // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация. 1929. С. 57–103.

Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра. 1992. С. 269–286.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М.: Художественная литература. 1977. 735 с.

Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М.: Мысль. 1982. 104 с.

Пиксанов Н.К. Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова, 1791–1829 / Отв. ред. А.Л. Гришунин; Примеч. П.С. Краснова. М.: Наследие. 2000.

Пиксанов Н.К. Социология «Горя от ума» // «Век нынешний и век минувший...»: Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении / Сост. В.М. Марковича и М.Я. Билинкиса; Вступ. ст. В.М. Марковича; Коммент. М.Я. Билинкиса. СПб.: Азбука-классика. 2002. С. 262–297.

Попова О.И. Грибоедов – дипломат. М.: Международные отношения. 1964. 220 с.

Симонич И.О. Смерть Грибоедова // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация. 1929. С. 204–210.

Слонимский А. «Горе от ума» и комедия эпохи декабристов (1815–1825) // А.С. Грибоедов, 1795–1829: Сборник статей. М.: Гослитмузей. 1946. С. 39–73.

Смирнов Д.А. Рассказы об А.С. Грибоедове, записанные со слов его друзей // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература. 1980. С. 206–256.

Соковнина Е.П. Воспоминания о Д.Н. Бегичеве // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Федерация. 1929. С. 16—20.

Тынянов Ю. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Смерть Вазир-Мухтара. Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение. 1985.

Фесенко Ю.П. Тема «Грибоедов и декабристы» в работах последних лет (некоторые итоги) // А.С. Грибоедов: Материалы к биографии: Сборник научных трудов. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1989. С. 92–108.

Фомичев С.А. Автор «Горя от ума» и читатели комедии // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л.: Наука. 1977. С. 5–27.

Цимбаева Е. Грибоедов. М.: Молодая гвардия. 2003. 545 с.

Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. 294 с.

Штейн А. Национальное своеобразие «Горя от ума» // А.С. Грибоедов, 1795–1829: Сборник статей. М.: Гослитмузей. 1946. С. 7–38.

Щеголев П.Е. А.С. Грибоедов и декабристы (по архивным материалам). С приложением факсимиле дела о Грибоедове, хранящегося в Государственном архиве. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1905.

«I'D LOVE TO SERVE. SERVILITY IS WHAT I HATE»: The diplomatic activity of Aleksander Griboyebov and an understanding of the public service in the comedy «Woe from Wit»

Andrey Ranchin, Ph.D. - philology hab., honored, Professor of the Philological Department of the Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie gory 1, build.51). E-mail: aranchin@mail.ru

Summary: The article reflects the diplomatic activity of Alexander Griboyedov (1795[?] - 1829) - the author of the famous comedy «Woe from Wit» and the compelling activity of Griboyedov as an official of the Ministry of Foreign Affairs and as Russia's representative in Persia is considered. It is shown that, in spite of the critical attitude to modern arrangements, Griboyedov was loyal to the authorities and apparently, did not belong to the secret society of the Decembrists. The choice of Griboyedov, civil service was not a betrayal of the principles of independence, proclaimed by Chatsky, the protagonist character of «Woe from Wit». The statements of Chatsky expressed the ideal norm, but the author did not consider them as being a program intended for literal embodiment.

Keywords: Alexander Griboedov, diplomatic activity, the understanding of public service, «Woe from Wit»

References

Bode K.K. Smert' Griboedova [Death of Griboyedov] // A.S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov [A.S. Griboyedov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Federatsiia publ., 1929, pp. 211—216.

Griboedov A.S. Sochineniia [A.S. Griboyedov Collected Works]/ Vstup. st., komment., sostav. i podg. teksta S.A. Fomicheva. Moscow: Khudozhestvennaia literature publ., 1988, 751 p.

Grigor'ev V.N. Zametki iz moei zhizni [Notes from my life]// A.S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov [A.S. Griboyedov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Federatsiia publ., 1929, pp. 195—203.

Grishunin A.L., Markovich V.M, pri uchastii L.S. Melikhovoi. Griboedov Aleksandr Sergeevich [Alexander Sergeyevich Griboyedov]// Russkie pisateli: 1800-1917 [Russian writers: 1800-1917]. Biograficheskii slovar'. T. 2. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Fianit publ., 1992, pp. 22—28.

Enikolopov I.K. Griboedov v Gruzii [Griboyedov in Georgia]/ Pri uchastii M. Zaverina Pod red. [i s predisl.] O. Popovoi, Tbilisi: Zaria Vostoka publ., 1954.

Zavalishin D.I. Vospominaniia o Griboedove [Memories of Griboyedov]// A. S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov [A.S. Griboyedov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Federatsiia publ., 1929, pp. 153—174.

Murav'ev-Karskii N.N. Zapiski [Papers]// A.S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov [A.S. Griboyedov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Federatsiia publ., 1929, pp. 57—103.

Lotman Iu.M. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala XIX veka [Theater and theatricality in the structure of culture at the beginning of the XIX century]// Lotman Iu. M. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin: Aleksandra publ., 1992, pp. 269—286.

Nechkina M.V. Griboedov i dekabristy [Griboyedov and the Decembrists]. Moscow: Khudozhestvennaia literature publ.,1977.

Nechkina M.V. Sledstvennoe delo A. S. Griboedova [Investigative case of A.S. Griboedov]. Moscow: Mysl' publ., 1982.

Piksanov N.K. Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Griboedova, 1791—1829 [Chronicle of the life and work of A.S.Griboedov, 1791-1829] / Otv. red. A.L. Grishunin; Primech. P.S. Krasnova. Moscow: Nasledie publ., 2000.

Piksanov N.K. Sotsiologiia «Goria ot uma» [The sociology of "Woe from Wit"]// «Vek nyneshnii i vek minuvshii...»: Komediia A.S. Griboedova «Gore ot uma» v russkoi kritike i literaturovedenii / Sost. V.M. Markovicha i M.Ia. Bilinkisa; Vstup. st. V.M. Markovicha; Komment. M.Ia. Bilinkisa. St-Peterburg: Azbuka-klassika publ., 2002, pp. 262—297.

Popova O.I. Griboedov — diplomat [Griboyedov – The diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia publ., 1964.

Simonich I.O. Smert' Griboedova [The death of Griboyedov]// A.S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov. Moscow: Federatsiia publ., 1929, pp. 204—210.

Slonimskii A. «Gore ot uma» i komediia epokhi dekabristov (1815 — 1825) ["Woe from Wit" and the comedy era of the Decembrists (1815 - 1825)]// A. S. Griboedov, 1795 — 1829: Sbornik statei [Collected papers]. Moscow: Goslitmuzei publ., 1946, pp. 39—73.

Smirnov D.A. Rasskazy ob A.S. Griboedove, zapisannye so slov ego druzei [Stories about A.S. Griboyedov recorded with the words of his friends]// A.S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov. Moscow: Khudozhestvennaia literature [A.S. Griboyedov in the memoirs of contemporaries. Moscow: Narrative literature]. 1980, pp. 206—256.

Sokovnina E.P. Vospominaniia o D.N. Begicheve [Recollections of D.N. Begicheve] // A.S. Griboedov v vospominaniiakh sovremennikov [A.S. Griboyedov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Federatsiia publ., 1929, pp. 16—20.

Tynianov Iu. Sochineniia: V 2 t. T. 2. Smert' Vazir-Mukhtara [Collected Works: in 2 vols 2. The death of Vazir-Mukhtar]. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, Leningradskoe otdelenie publ., 1985.

Fesenko Iu.P. Tema «Griboedov i dekabristy» v rabotakh poslednikh let (nekotorye itogi) [Theme of "Griboyedov and the Decembrists" recent works (some results)]// A.S. Griboedov: Materialy k biografii: Sbornik nauchnykh trudov [A.S. Griboyedov: The biography: Collection of scientific papers]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie publ., 1989, pp. 92—108.

Fomichev S.A. Avtor «Goria ot uma» i chitateli komedii [Author of "Woe from Wit" and the readers of comedy]// A.S. Griboedov. Tvorchestvo. Biografiia. Traditsii [A.S. Griboyedov. Creativity. Biography. traditions]/ Otv. red. S. A. Fomichev. Leningrad: Nauka publ., 1977, pp. 5—27.

Tsimbaeva E. Griboedov [Griboyedov]. Moscow: Molodaia gvardiia publ., 2003.

Shostakovich S.V. Diplomaticheskaia deiatel'nost' A.S. Griboedova [Diplomatic activity of A.S. Griboyedov]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960.

Shtein A. Natsional'noe svoeobrazie «Goria ot uma» [The national originality of "Woe from Wit']// A.S. Griboedov, 1795 — 1829: Sbornik statei. Moscow: Goslitmuzei publ., 1946, pp. 7—38.

Shchegolev P.E. A.S. Griboedov i dekabristy (Po arkhivnym materialam). S prilozheniem faksimile dela o Griboedove, khraniashchegosia v Gosudarstvennom archive [Griboyedov and the Decembrists' (based on archive materials). Incorporating the case on facsimile application on Griboyedov stored in the State Archives]. St-Peterburg: Izdanie A.S. Suvorina (publ.), 1905.